

СЕРГЕЙ ШАРГУНОВ

СТОНЫ СТРАНЫ

Большой распил

Я уже рассказывал, как в Бурятии у бедных людей массово выпиливают батареи из домов и квартир “за долги”. Даже в мороз, там, где живут дети и старики. По беспределу, вопреки закону. В Улан-Удэ, по последним подсчётам, лишили тепла более 4000 жилищ. Большой распил.

Сейчас чиновники сдали назад.

Как пишет местная пресса, “помогло вмешательство депутата Госдумы Сергея Шаргунова, после чего полиция мигом завела уголовное дело в отношении недобросовестных сотрудников ТГК-14 по фактам незаконного демонтажа батарей”. В эти дни суды вынужденно признают очевидное и начали списывать незаконно начисленную с 2016 года плату с владельцев квартир, где были “демонтированы” те самые “радиаторы отопления”.

Но этого же мало.

Повторимся: по закону нельзя лишать человека воды и тепла. А те, кто нарушил закон и издевается над людьми, должны быть наказаны. Чего и добиваюсь.

В России нищих – десятки миллионов, более половины семей с детьми находятся за чертой бедности. И что, их всех лишить обогрева?..

А каковы резоны для молодых людей заводить семьи, если такая безнадёга и по самым незащищённым безжалостно бьют?

Записки молодого отца, избранные места из материнского чата – то, что последнее время оказалось у меня в редакционном портфеле. Своего рода героизм – в нашей провинции стать родителем. Этим людям уже не до роскоши социальных лифтов, верните им хоть батареи.

Безмолвные пассажиры

Когда Юрия Витальевича Мамлеева называли “писателем чернухи”, он говорил, что сюжеты берёт из повседневности.

Мои запросы и заметки – тоже из будничного потока людских историй.

Жалобы бывают разные.

Бывают и такие жалобы.

Скорбно, дико, но вообще, какие тут комментарии уместны? Уместно только голое изложение обстоятельств. И запрос, который я направил губернатору Кемеровской области.

Жители посёлка Сураново, отрезанные от большой земли, вынуждены везти умерших в морг на освидетельствование в общественном транспорте.

На положенное освидетельствование тела доставляют либо в отдельном вагоне электрички, либо даже в общем, вместе с другими пассажирами. А всё из-за того, что участок автомобильной дороги, связывающий посёлок с городом Тайга, летом размыт дождями, а зимой заметён снегом.

Слово самим жителям: “скорая помощь” и пожарные приехать к нам не могут. Медпункта и аптеки у нас нет. Если кому-то стало плохо, мы в буквальном смысле сидим и молимся о том, чтобы человек не умер до того, как придёт ближайшая электричка. Это единственный транспорт, который у нас есть. А если кто-то умирает, то тело нужно везти в морг в Анжеро-Судженск”.

Люди всё ещё надеются на нормальную дорогу, которую им обещали. Ждут её уже вечность. А пока борются, знаете, за какое право? Право возить своих мертвецов в общих вагонах.

“Нам помогает участковый, приезжает, забирает усопшего, сопровождает тело на электричке, а теперь приходится заказывать мотрису (самоходный железнодорожный вагон) через администрацию. Этот вагон идёт в наше село минимум сутки. А ведь потом всё нужно повторить, чтобы вернуть покойного домой и похоронить по-человечески”.

Таковых, отрезанных, великое множество. До них никому нет дела. А они не знают, как себя защитить.

Закрытый город – закрытая школа?

Та Россия, которая должна быть видна и слышна.

Передо мной – письмо из военного городка Вольск-18 Саратовской области. Там хотят закрыть единственную школу. “Контингент учащихся – дети военнослужащих и гражданского персонала ВС РФ (400 человек)”.

Серьёзное место. Здесь – мобильная бригада радиационной, химической и биологической защиты. Войска повышенной боеготовности, которые обеспечивают защиту от аварий на опасных объектах и предприятиях. Поблизости – химический завод.

Школа находится в ведении Минобороны, куда я в первую очередь и обратился из-за этого письма.

По словам родителей, авторов письма, в июне они произвели ремонт классов и коридоров, вложив немалые средства. А ещё “в школе отремонтировали кровлю, заменили систему отопления, произвели замену оконных блоков и входных дверей. А уж какой ремонт произведён в столовой! Установлено новейшее оборудование, закуплена посуда. Наконец-то наши дети стали получать полноценное горячее питание. Детское и родительское счастье длилось недолго. Как гром среди ясного неба: школу закрывают”.

Да, пишут родители, здание не самое новое, но переводят их детей в помещения, состояние которых гораздо хуже. Почему?

Очевидно, по той причине, что “оптимизация” слепа. Всюду одно и то же – подписать приказ о ликвидации, не считаясь и не разговаривая с людьми, и развести руками: денег нет...

“Крыши там текут, полы проваливаются, нет туалетов, нет пожарной сигнализации и прочих положенных по СанПиН мер безопасности. Нет коридоров, куда дети могли бы выйти подвигаться на перемену, нет гардероба, нет условий для организации питания, зимой холодно. Неужели только у родителей об этом должна болеть душа, а не у должностных лиц, которым мы доверяем жизнь и здоровье наших детей?”

И из того же письма: “Мы намерены идти на крайние меры. Для нас обучение, воспитание, жизнь и здоровье наших детей – самое главное! А о каком здоровье может идти речь, если уроки второй смены будут заканчиваться в 8 часов вечера?”

История, с которой надо разбираться.

А моя обязанность – привлекать к подобным историям максимальное внимание и сделать всё, чтобы помочь.

Прощай, пепелище?

Оказывается, репортаж может иметь немедленный эффект. А Следственный комитет, случается, возбуждает дело.

Не успел я в своей телепрограмме “Двенадцать” рассказать о горе погорельцев подмосковного города Подольска (об этом же рассказывалось в статье в “Русском Доме” № 8-2019) и показать их – всё стронулось с мёртвой точки.

“И. о. руководителя ГСУ СК России по Московской области поручил незамедлительно возбудить уголовное дело по факту халатности должностных лиц администрации города Подольска (ч. 1 ст. 293 УК РФ). Также он поручил организовать служебную проверку в отношении сотрудников следственного отдела по городу Подольску ГСУ СК России по Московской области”.

Официальное обоснование – “в эфире федерального телеканала вышел сюжет о том, что в городе Подольске нарушаются жилищные права граждан”.

Вообще-то, по всей стране они нарушаются и попираются, что я и показал в том самом сюжете и по поводу чего непрестанно рассылаю депутатские запросы. Но если удастся решить конкретную задачу, помочь несчастным подольским погорельцам и дать им достойное жильё – это будет большая победа.

Уже сейчас погорельцев стремительно начали вызывать в СК “в качестве потерпевших”. Тех, кто всё ещё обитает в недогоревшем страшном доме, обещано в кратчайшие сроки расселить в новостройки.

Что ж, надо дожимать.

Хочется верить, что следующий репортаж об этих людях выйдет уже скоро – с их новоселья. И пусть будет это новое жильё хоть каким-то утешением после всего того, что они испытали.

Привлечь за футболки

Мэр города Кунгур (Пермский край) пожаловался в прокуратуру на родителей детей-инвалидов.

А я вынужден обратиться в прокуратуру по поводу действий тамошних властей.

Поводом для мэрской жалобы стали футболки с надписями “отстоимшколуКунгур”, “ШколуДляДетейОВЗ” и “ДаешьЗданиеШколеВцентре”, в которых родители пришли на городской фестиваль “Небесная ярмарка”. Это родители, которые несут свои кресты, – воспитывают страждущих детей. Вот они и надели эти футболки. Не согласны с упразднением школы.

А мэр полагает, что надевшие такие футболки провели публичное несанкционированное мероприятие и тем нарушили закон “О собраниях, митингах, демонстрациях”. Мало лишить детей школы, надо ещё и родителей привлечь за эти футболки...

Я позвонил в мэрию Кунгура, где мне сообщили, что заявление будет отозвано.

Ладно. Боятся скандала. А как быть со школой?

В ветхом здании учились 150 школьников с первого по девятый классы.

Они просят построить им новую школу – для детей с ОВЗ (ограниченные возможности здоровья). Но больных запикивают теперь в школу обычную, где им будет трудно и непривычно, где над ними, скорее всего, начнут издеваться, и находится эта школа на окраине.

Сотни людей требуют начать строительство школы для детей с ограниченными возможностями. А им в ответ угрожают...

В Пермском крае тем временем коса оптимизации посвистывает лихо. Всего в 2018-м “объединили” 47 школ и 165 детских садов. В 2019-м, говорят, их уничтожено ещё больше.

Поставили на счётчик

Для кого-то – пустяк. Для кого-то повод для ироничного недоумения: надо ли таким заниматься?

Ко мне обратилась Наталья Болотова из станицы Урухской Ставропольского края с просьбой защитить её 68-летнюю маму Валентину Викторовну

Лобанову от беззакония районной газовой службы. “Маме трудно, она одна, я проживаю отдельно и в основное время езжу работать на вахту, так как в городе нет работы. Моей матери незаконно начислили задолженность за газ около 25 000 рублей”.

Они пытались жаловаться, но все от них отмахивались, мол, смешно обращать внимание на такие мелочи. Разве это деньги? Разве это проблема? У нас каждый второй подозревает, что его обсчитывают. Паранойя, не иначе.

Похоже, подозревают не зря. Люди считают каждую копейку, а над ними издеваются, обкрадывая.

Я решил всё-таки отправить депутатский запрос напрямую в Прокуратуру. И вот сегодня из Прокуратуры пришёл ответ.

“Проведена проверка установленного у Лобановой В. В. прибора учёта газа. Обнаружено, что Филиалом ООО “Газпром межрегионгаз Ставрополь” незаконно начислена Лобановой В. В. задолженность за газ. Произведён перерасчёт объёма потреблённого газа и задолженность аннулирована. Заместителем прокурора руководителю Филиала внесено представление. Результаты рассмотрения представления находятся на контроле”.

Есть большая вероятность, что у пожилой женщины специально повредили счётчик, чтобы накрутить больше показателей.

А если бы не реакция Прокуратуры, которая обязана отвечать на депутатский запрос? Так бы и мыкались Болотова-дочь и Лобанова-мать...

Исход

Будучи в Бурятии, вновь я посетил Новую Брянь Заиграевского района. Старинное русское поселение, основанное старообрядцами.

Руины завода на колоссальном пространстве. Отечественный Акрополь. И таковых немало у нас.

В 1959 году возник Новобрянский головной завод, где ремонтировали тракторы, автомобили, агрегаты, производили тракторные прицепы, транспортёры, кузова для автомашин. Продукция завода поставлялась в 16 стран. Потом всё стало кончаться и уже в нулевые кончилось совсем.

Жившие вокруг этого завода люди покинули свои дома. Целыми семьями. Целыми этажами. Целым кварталом.

Мёртвый центр посёлка. Главная вымершая улица словно в насмешку называется Школьная. Но никто отсюда не пошёл в школу 1 сентября.

Как будто взорвали радиоактивную бомбу.

Здесь были качели, теннисные корты, беседки, бил фонтан. Нынче ничего – только бурьян. Некоторые квартиры с заколоченными и даже заложеными кирпичами окнами, чтоб не влезали, не поганили семейную память. Чья-то надежда однажды вернуться.

А потом встретил на дороге среди гор и степей женщину с хворостиной и коровой – бывшая работница завода, квартира брошена навсегда, никому не нужная. Хоть домик, по счастью, был в деревне, вот и спасается Вера Иннокентьевна натуральным хозяйством... Муж, заводчанин, ставший крестьянином, недавно умер.

Скоро покажу в своей телепрограмме репортаж о судьбах наших людей, которых встретил в эти дни на азиатском приграничье страны, в Туве и в Бурятии. И о судьбах тех, чей исход уже случился.

Пневмония

Несколько дней подряд в Улан-Удэ у меня на приёме были родители малenьких детей – умерших.

В основном от пневмонии.

Больно разговаривать с этими людьми, плачущими, протягивающими снимки и телефоны с фотографиями, где радостные малыши, а потом холмики в цветах.

Таково трагическое состояние медицины, когда больных крошек отказываются вовремя госпитализировать, в больницах – разруха, нехватка элементарных препаратов и техники, а врачи плохо подготовлены и оглушены бедностью.

За несколько месяцев таких осиротевших родителей в одном городе и его окрестностях объединилось больше сорока человек.

Дети продолжают гибнуть, но никто не привлечён к уголовной ответственности.

Одна из жертв – четырёхмесячный Захар Котенко, которого приняли с диагнозом “бронхит”, лечили не тем и не так, а теперь переписывают историю его болезни, вырывая и вклеивая страницы. Он впал в кому и из-за неисправного “матраса с подогревом” в реанимации получил страшные, до кости, ожоги.

Буду добиваться честного расследования.

Перечёркнутые люди

С началом нового учебного года в школах начались уроки. В Пятилетке, деревне, что в Иглинском районе Башкортостана, детей разлучают с родителями и увозят в школу-интернат в село Ауструм.

Каждый год плачут и те, и другие.

Дети покидают родные дома, потому что в Пятилетке закрыта школа. Там теперь мерзость запустения. На полу валяются портреты Ломоносова и Лобачевского, в кабинете биологии – разбитые колбы, в библиотеке – ненужные груды книг. . .

– Моя Зента Васильевна мимо школы не может пройти спокойно. Всегда плачет! Она работала здесь учительницей начальных классов, – рассказывает местный житель Михаил Семёнович Дудчик. – Приехали из администрации сельсовета Ауструма, все компьютеры в классе информатики вырвали с корнем и увезли.

Приехать в Пятилетку и уехать из неё непросто. Надо остановить автомобиль и долго, несколько километров идти пешком. А ещё деревню Пятилетку с, так сказать, “цивилизацией” связывает только шаткий деревянный мосток.

Нормальный мост погиб осенью 2015 – случилось половодье, вода потом замёрзла, а во время оттепели льдом и скопившимися деревьями его разорвало на части и унесло вниз по течению. Жители вот уже четыре года практически отрезаны от мира – путь им преградила река Сим.

Как питаются? Чтобы единственный магазин не закрылся, надо перебираться на большую землю и затем по подвесному мостику несколько человек таскают картонные ящики с продуктами.

Зимой совсем страшно. Дороги даже в деревне нет. Ходят все по тропкам. Больных несут до моста и по нему на носилках или везут на телеге, на лошади.

Вот письмо местной жительницы: “В Пятилетку нет возможности подъехать ни скорой медицинской помощи, ни пожарным. В этом году был лесной пожар, люди бежали с подручными инструментами – лопатами, ведрами. Я сама выросла в Пятилетке и училась в школе, которая на данный момент превратилась в грудку макулатуры и отвалившихся стен. А ведь несколько лет назад там работала педагогом моя старшая сестра, и смотреть, что творится на моей родине, – это ужасно, честно, сердце кровью обливается. Когда закрыли школу, сестре с детьми (матери-одиночке) пришлось ехать куда глаза глядят. Затем наводнением унесло мост, деревня вообще на глазах начала умирать”.

Говорят, денег нет.

Есть деньги.

Но есть ещё равнодушие “знати” к “маленьким людям”, которых считают терпилами.

В 2017 году после повторного обращения в правительство региона Государственный комитет Республики Башкортостан по транспорту и дорожному строительству выделил администрации Иглинского района 8 миллионов рублей с указанием – на строительство моста.

Где деньги и где мост?

“За последние девять лет в Башкортостане сократилось 356 образовательных учреждений на селе, при том что контингент обучающихся вырос почти на 48 тысяч человек”, – констатировал недавно министр образования Республики.

И такое перечёркивание людей по всей России.

Детские очереди

Великий Новгород. Ул. Державина, 1. Областная детская клиническая больница.

Некоторое время назад получил отчаянное письмо. “Нет никого. Выгнали специалистов! План операций сорван. Зачем будят в людях ярость?”

В больнице была проведена так называемая реорганизация. Врачей, получающих копейки, попытались заставить работать без сна и отдыха, не повышая им зарплату, а когда те стали возражать – выставили вон.

Именно так: ввели новый график работы и дополнительные круглосуточные дежурства. При этом штат не увеличили, зарплату тоже, а вся дополнительная нагрузка легла на немногочисленный, и без того замученный и нищий коллектив врачей.

Несогласных поувольняли вместе с заведующим отделением.

В результате – огромные очереди на плановые операции, родители маленьких пациентов собрались с протестом против увольнения врачей у главного входа больницы.

Больница вообще в тяжком состоянии – так сообщили мне авторы письма. Я направил запрос в Прокуратуру. По закону она обязана провести проверку.

И вот пришёл ответ.

Заведующего уже удалось восстановить на работе.

В ближайшее время другие врачи должны добиться справедливости в суде – хочется верить, всё получится. Продолжу следить за их борьбой и помогать им.

А теперь о проверке самой больницы.

В ней одной установлено “150 случаев несоблюдения сроков ожидания оказания специализированной помощи, которые не должны превышать 30 календарных дней со дня направления на госпитализацию”. А ещё обнаружено “ненадлежащее оборудование палаты пробуждения, отсутствие необходимых для выполнения работ по анестезиологии и реаниматологии медицинских изделий, необеспечение средствами индивидуальной защиты в соответствии с установленными нормами врачей-оториноларингологов”.

Что дальше?

“По данным фактам заместителю губернатора Новгородской области внесено представление об устранении выявленных нарушений законодательства”. Достаточно? Нет. Но это наконец-то реакция.

Если в больнице не будет наведён порядок, виновных ждёт ответственность. Например, уволят теперь уже тех, кто увольнял.

Ведь речь не только о труде медиков, но и о жизни и здоровье детей.

Издательство над врачами, детьми и родителями должно быть немедленно прекращено.

Обмен, а не обман

Имена и судьбы заключённых на Украине, которые чувствуют себя брошенными и забытыми

“Обмен” – повесть Юрия Трифонова о весьма печальных обстоятельствах и о герое, который пытается уклониться от участия в происходящем.

От участия в разрешении нынешней беды тоже уклоняются многие. Эта тема, прямо скажем, не самая популярная.

Спрашиваю у одного из обмененных, вернувшегося из украинской тюрьмы на родину: что у тебя здесь осталось? “Ничего, никого, пусто, квартира продана”. – “Что дали?” – “Ничего. Сказали: ноги есть, руки есть, сам ищи работу, снимай комнату”.

И так, похоже, у всех.

Никакой поддержки. Почему? Конечно, из-за патологической начальственной чёрствости.

Но гораздо важнее – вырваться на свободу. Вырвать.

Эта статья – часть борьбы за людей, которые ощущают себя забытыми. Их надо побыстрее освободить. А если не побыстрее, тяжёлая их неволя может затянуться ещё на годы.

Долгожданный обмен, состоявшийся между Россией и Украиной, по-прежнему широко обсуждается. Потому что возникла надежда на завершение смертоубийства. А ещё теперь каждый день из разных источников всплывает информация о возможности нового обмена.

Круто, что освобождён Кирилл Вышинский. А вот другие, за кого боролись и кто не настолько на слуху.

Евгений Мефёдов. В 2012-м приехал из Москвы в Одессу к любимой девушке. Из дома профсоюзов 2 мая 2014-го в ожогах попал в реанимацию и затем за решётку. Повод – найденный при нём российский паспорт. С тех пор он, выживший, непрерывно сидел. Его освобождали суды за отсутствием состава преступления, но обратно запикивала в клетку ярая толпа.

Мы переписывались, я говорил о Евгении везде, где мог, и теперь мы встретились в центре Москвы.

– Сколько вы отсидели в общей сложности?

– 5 лет, три месяца и сколько-то там дней, я не считал.

– Я так понимаю, вас несколько раз освобождали, но...

– Если быть точнее, то семь.

– Семь раз освобождали?

– Да. Но, естественно, сразу же закрывали обратно националистические группировки. Моей единственной виной был российский паспорт. Который до сих пор не вернули. Он остался там, у СБУшников... То есть меня отдали сюда, на родину, без документов. Я считаю, что всех надо оттуда вытаскивать. Всех абсолютно.

Ещё одна моя встреча с **Игорем Кимаковским**, университетским педагогом из Питера. Приехал на Донбасс, в Дебальцево в гуманитарной помощи и понял, что должен помогать этой земле постоянно.

– Я понял всю трагедию этого города. Это разрушенная 6-я школа, в которую попал “Ураган”... И я в конце урока задаю вопрос: “Ребята, а кто был под обстрелами?” Практически сто процентов ребят подняли руки вверх. После этого я и остался...

Однажды навигатор завёл его на украинский блок-пост. Дальше – арест и истязания.

– Да было всё. И били, и пытки, и пакет на голове, и вода, и электричество, ну, было всё. Сломался, честно, на воде. Когда начали проливать воду, такое ощущение складывалось, что у меня лёгкие лопаются. Раз в полгода у меня бывают приступы: я не могу дышать, то есть ночью просыпаюсь и дышать не могу. В тюрьме я познакомился с выдающимся человеком. Это отец Никон. Его взяли тоже по нашей статье только за то, что он отпел ополченцев. Так получилось, что я находился в подвалах СБУ, когда его пытали. И он после всего этого вышел с добрым лицом, с улыбкой и сказал: “Братья, здравствуйте! С праздником вас!” Незримая его поддержка была всегда рядом с нами.

– А всех политических пытали?

– Ну, скажем так: в 14, 15, 16 году всех. Кто мы были: преподаватели, врачи, водители, шахтёры, инженеры... Мы пели “День Победы”, и это слышал весь Бахмут. Все вместе...

– Вся тюрьма слышала?

– Вся тюрьма слышала. Мы вышли гулять в одно время, находились в это время в разных дворах, и синхронно начали петь песню, и насколько я знаю, её слышали даже за пределами тюрьмы. Победа – это когда у тебя появилась какая-то ниточка новая с Родиной, с другом, с родными, с детьми. Вот Родина – когда о тебе думают, о тебе не забывают. У меня в субботу у сына была присяга. Он у меня стал в этом году кремлёвским курсантом. А второй сын у меня тоже растёт защитником Отечества, он учится в суворовском Санкт-Петербургском училище. Я, когда вышел из самолёта, нашёл берёзу и просто прикоснулся к ней руками.

Для меня личной трагедией стала судьба **Руслана Гаджиева**, нашего парня, добровольца... В бою он из наших ребят остался один живым. Он был в первоначальных списках на этот обмен. И я бился за него до последнего момента, и даже для себя рассматривал возможность остаться вместе с ним, то есть вернуться назад в тюрьму буквально до вылета. Он сейчас в очень подавленном состоянии, но мне удалось ему уже передать привет. Для меня важно, чтобы все наши ребята, которые остались, были дома в этом году.

Такой разговор.

Здорово, что состоялся обмен. Но какво слышать ликующие вопли: “Ура! Все узники свободны!” — тем, кто в неволе? Заметьте, о них помнят и беспокоятся освобождённые.

Сколько народу в застенках в результате гражданской войны?

Говорят о тысячах. Точны ли такие цифры? Не уверен.

Иногда создается впечатление, что кому-то удобно отмахнуться: “Да ну, их там тысячи”, — чтобы не считать и не помогать. Или: “Да ладно, новых похватают”... В любом случае, надо собирать информацию про каждого и всех спасать. Чувствую это прямой своей обязанностью.

Вопрос жизни человека — освобождение 85-летнего харьковского учёного и преподавателя **Мехти Феофановича Логунова**, осуждённого на 12 лет будто бы за организацию “вооружённого подполья”. Старика-интеллекта подвергли пыткам и издевательствам.

Публициста, тоже из Харькова, **Игоря Джадана** в отместку за его причастность к “Русской весне” похитили и избили до полусмерти. В состоянии комы Игоря удерживали в больнице под чужим именем, три недели скрывали от родных, прежде чем официально взять под стражу.

Томится в лагере с огромным сроком **Лариса Чубарова**, координатор медицинской службы харьковского Антимайдана.

Недавно прочитал страшное, пропитанное болью письмо из заточения арестованной в Днепре **Дарьи Мاستикашевой**, чемпионки по восточным единоборствам, которую арестовали как “агента Москвы”. Её часами душили пакетом и избивали до потери сознания.

По-прежнему сидят люди в Одессе, выжившие 2 мая на Куликовом Поле и потом объявленные диверсантами-подпольщиками.

Отец и сын **Руслан** и **Владислав Долгошеи**, **Николай Селятенко**, **Олег Мазур** провели в тюрьме уже больше 4 лет. Других их сотоварищей осудили на большие сроки. Так, **Константин Калашников** получил 13 лет. Ещё одна группа: **Екатерина Фотьева**, **Александр Шевцов**, **Игорь Удовенко**, **Евгений Подмазко**.

Много имён? Чересчур много? Важно, что эти имена звучат. Написаны чёрным по белому. Должны звучать постоянно и должны быть в списках на обмен.

Больше 4 лет пребывает в темнице уроженец Одессы **Николай Казанский**, просто ходивший на русские митинги и взятый вместе с единомышленниками. Брат актрисы **Нонны Гришаевой**, которой воспрещён приезд в родной город.

— Он был арестован в июне 15-го, то есть уже 4 года, — рассказывает мне Нонна. — Сидит без суда. Суд всё время откладывается. Их пытали. И пакеты на головы надевали, и били. Пытались таким образом выбить показания. Просто необходимо достучаться — был хороший фильм “Достучаться до небес”, вспомнилось почему-то — достучаться до людей, которые действительно могут помочь в этом вопросе, чтобы наших мальчиков, наших ребят вытащить оттуда... Надо бороться за своих.

И о донбасских пленных. Написала мне одна из близких одного из заключённых.

“Несколько дорогих мне людей обрели свободу и вернулись к своим семьям. Спасибо. Но вернулись не все. Очень прошу — помогите оставшимся. Со своей стороны, передаю список граждан Российской Федерации, которых предполагалось освободить ещё во время обмена 2017 года и так и не состоявшихся последующих этапов. Все эти люди должны быть освобождены без всяких условий, поскольку были верифицированы и утверждены ещё тогда”.

И приложен список из ополченцев с подробными биографиями. Всем железные приговоры — минимум по 13 лет.

Годами ждёт обмена **Олег Даронин**, доброволец из Нижневартовска, попавший в плен на Луганщине и обитающий в Городищенской колонии под Ровно.

А есть ещё юный **Сергей Петров**, тоже доброволец. Его похитили, обкололи психотропными веществами, сейчас он тяжело болен, находится в заключении в районе Житомира. Родных у него нет, и хлопотать за него некому.

Пишу это, и ловлю себя на том, что — чего уж там! — слишком многим всё по барабану. Отдельная мучительная судьба пленного тонет в потоке новостей,

меркнет, растворяясь в колоссальном списке убитых и изувеченных. И даже моё сопереживание отдельно взятому страдальцу может показаться бессильным и нелепым, а значит, невзаправдашним, юродским, что ли.

А ведь эти люди достойны внимания, сострадания, заботы, тепла со стороны России.

Для миллионов именно такие люди (по убеждению сердец) – лидеры “русского мира”.

Мы живём во времена бутафории. В то время, когда пафосные осуждения войн, зверств и лицемерия минувшего века кажутся всё более наигранными. Допустим, и в ином масштабе, хотя, как знать, мы малодушно миримся с войнами и изуверствами, ложью и унижением человека. Одна жестокость легко опровергается примером другой жестокости, и становится как бы не бывшей, отменённой, и так в итоге оправдывается любая подлость. И тогда белый свет застилает равнодушие, иногда подкрашенное злорадством, мол, поломали судьбу, значит, сам напросился.

На самом деле, всё не столь скверно и уныло.

Россия полна живых душ. Помнящих – может и наивное, но всегда ускользающее сердцебиение, пушкинское:

*Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут...*

Людей приучают к бесчеловечности как норме, а им хотелось бы другого. Знать имена и истории наших, головы сложивших и в неволе томящихся, вызволить пленных, встретить, обнять... Это можно окрестить инфантильной правозащитой или утопическим патриотизмом, но по мне, это основы живого государства, которое своих не бросает. Это и есть национальное самосознание, а иначе пусто и темно – дунь, плюнь, и словно ничего и не было.

Обмен всех на всех – реальный противовес ощущению всеобщего обмена. Будем же биться за вызволение тех, кто оплатил верой и судьбами словосочетание “русский мир”.

Вспомните, как шумно и страстно ратовали за свободу Савченко или Сенцова везде и всюду общественные деятели, которые, прямо скажем, прохладны к горю арестантов противоположного толка. Но надо называющим себя русскими патриотами не кривиться на этот активизм, а самим быть не глупее и не слабее.

И пора бы не бросаться абстрактными цифрами заключённых, а создать сайт, карту неволи, где будут скрупулёзно собраны данные каждого из них.

Надеюсь, эти люди скоро дождутся свободы.